

Золотое

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРЕ

содержание памяти

Легкими штрихами обозначенная современность: шнур электросамовара, радиообъявление о субботнике... В остальном же, кажется, ничего не изменилось в богатой по-деревенски (пышной кровати, ковриками - словниками, доском самовара да юбками-поддевками дородной хозяйки) убогой Марьиной хате с тех военных лет. Здесь и разворачивается драма по пьесе А. Кудрявцева «Марья», начало которой — у звездочки обелиска рядом с белорусской хаткой, там, за победной чертой войны...

...Могила у хатки — единственная радость, и скорбь, и друг Марьи (Л. Федченко). Сюда приходит она и в горькие минуты, ежедневно, и в дни редких душевных праздников. Сюда несет свои бабы думушки, свою бабью тоску по недоданной жизнью мужской ласке. А знакомы то были с летчиком 17, что ли, «ден». И вот нарушает Марьину жизнь письмецо, пришедшее от бывшей жены летчика, которая нашла, наконец, через 40 лет, своего мужа. Разрушен Марьин мир, ее жизнь, все-таки идиллическая. Приезжает законная жена Марья умирает, больше делать на земле нечего, она, как солдат, выполнила свой долг.

Спектакль привез в Армавир Могилевский областной театр драмы и комедии им. В. И. Дунина-Марцинкевича (главный режиссер М. Ксвальчик). Эта работа белорусской труппы имеет для театра принципиальное значение (режиссер С. Клименко). Стоит ли убеждать в том, как важна для белорусов тема памяти! Другое дело — темы девальвация — в серых пьесах и дежурных романах, открытая и тайная спекуляция золотым содержа-

нием нашей памяти. Об этом много сейчас говорят. Этого можно было опасаться, но этого не произошло в могилевской постановке.

Широк диапазон ее жанрового звучания — от мягких лирических зарисовок до плакатной яркости памфлета, от метких реплик «по поводу» до трагедийно высокой метафоры войны.

Ловлю себя: стоит ли так громко? Стоит! Ведь выходят на сцену одна за другой наши современницы с вечной занозой в надорванном сердце, современницы живые, не тихие тени войны...

Мотя (Т. Миронова), самая большая актерская удача... Скрывались от фрицев в лесу, кричал малыш, закрыла ладонью рот. Закрыла рот, сплела людей. И задумала собственного ребенка. Мотя, красненькая, «приняла» с утра, разгульно-разбитная — защита, защита! Мотя! Одинокая, искренняя, юродствующая, надорванная навсегда.

Хорош образ Почтальонши (С. Пухович). Такой и запомнится, без имени, не по программе. Полноправная товарка — не с лихих ли лет? — в доме Марьи. Хорошо «сделали» ее могилевцы — так и кажется, что о ней есть отдельная пьеса, другая, не менее горькая история...

Вот входит в дом «советская власть» — председатель сельсовета Татьяна (Г. Иванова). Сегодня она узнает, что ее отцом был насильничавший в бабской деревеньке немец. И наложит на себя руки: «Как же людям в глаза смотреть-то?» Эхо войны... Но показался мне этот образ чуть бледнее, чуть заземленнее сделанным, чем надо бы. Жестче бы шаги по деревянной сцене, угловатей, прорывистей жесты и движения — больше бюрократизма,

суше голос! И разительней будет ее глубокая душевная драма.

Отдельно о Письме. Оно такое же полноправное действующее лицо в спектакле. Страшно ведь: мертвого мужика не поделили! Волосы дыбом должны! Волосы дыбом от этой, подчеркиваю! — тихой трагедии! А на сцене почему-то кричат. И рушится замысел. Слушаешь крик, а не тихое страшное дыхание смерти.

Обыден приход письма в домик с вечным самоваром. Закономерен, а оттого еще более страшен — кричать не надо, дайте послушать трагедию!

Черная Старуха Ольга (Ю. Саевич) — следующий образ пьесы. Черной окрестил ее, такой она получилась. Костлявой, сильной, в вечном траурном платке, та самая женщина, мать молодой председателиши. Ясный, но несколько, кажется, плосковатый образ. Такова же и жена летчика Наталья (С. Клименко). Беспокоит определенная заданность образа, мешающая развернуться актрисе. Да, у нее «здесь вот что-то засохло». Но эта работа должна быть самой живой и жизненной. Ведь ей, Наталье, еще надо искать летчика, которого все-таки под обелиском нет, ей жить, она более других должна быть устремлена в будущее. На сцене же получилась только тень.

...Все время сожалел, что приходилось не только смотреть, но и быть пристрастным, анализировать. «Поверить алгеброй» не хочется, когда понимаешь, что происходит событие, необходимое для развития твоей души. Таковым стала постановка могилевцев.

К. КРИКУНОВ.